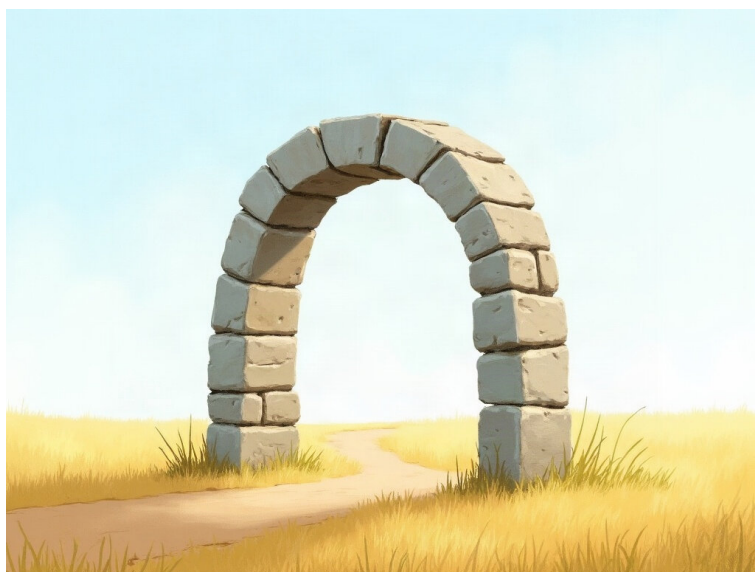

Верлибр — это трудно, а не легко

*Что держит стихотворение, когда убрали размер и рифму, —
и почему именно поэтому его так легко испортить*

Поэзия · 13–17 лет · 14 минут

Кажется, что свободный стих — это проза, разбитая на строчки как попало, и написать его может кто угодно. Проверить легко: попробуй отличить хороший верлибр от плохого. Окажется, что различие есть и оно строгое, просто правила в нём не объявлены заранее.

Обвинение, которое стоит разобрать

Верлибр — стихи без размера и рифмы. И почти каждый, кто сталкивается с ним впервые, говорит одно и то же:

«Так я тоже могу. Это просто текст, разбитый на строчки».

Обвинение серьёзное, и отмахиваться от него нельзя. Давай проверим честно.

Возьмём фразу: «Я вышел из дома и увидел, что за ночь выпал первый снег». Разобьём на строки:

Я вышел из дома
и увидел, что за ночь
выпал первый снег

Стихотворение? Пока непонятно. Теперь разобьём иначе:

Я вышел из дома и увидел,
что за ночь выпал
первый снег

Что-то изменилось. Во втором варианте слово «выпал» повисает в конце строки, и на мгновение непонятно, что выпало; «первый снег» приходит отдельно, как открытие.

Слова те же. Работа разная. Значит, **разбивка не произвольна** — а раз так, её можно сделать хуже или лучше. Есть критерий, значит, есть ремесло.

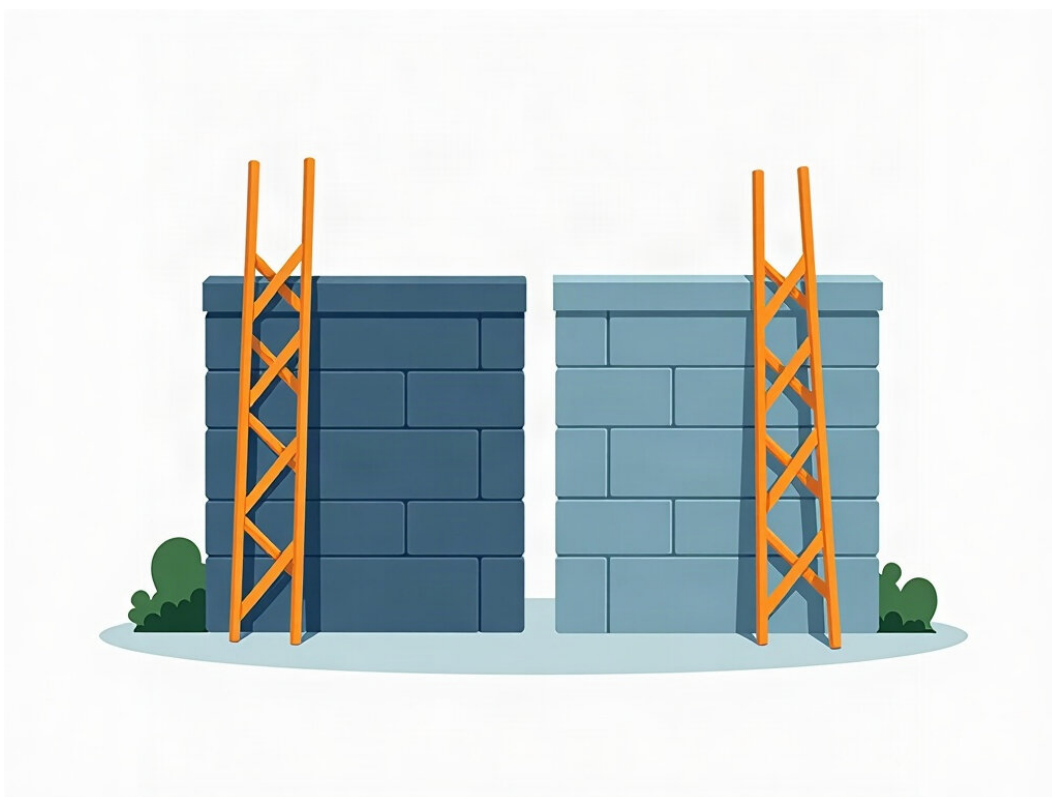
Что убрали и что осталось

Разберёмся точнее, чего лишается свободный стих.

Уходят: постоянный размер, рифма, заранее заданная длина строки, строфа фиксированного объёма.

Остаются: строка и пауза в её конце; ритм — не регулярный, но существующий; синтаксис; повтор; звук; и главное — **отбор**, то есть решение, что сказать и чего не говорить.

Хорошая аналогия — строительные леса. Размер и рифма поддерживают текст снаружи: даже посредственное содержание, уложенное

Размер и рифма — леса, которые можно снять, если стена держится сама

в ровный ход, звучит складно и производит впечатление сделанной вещи. Уберите леса — и стена должна стоять сама.

Отсюда вывод, который переворачивает обвинение. Свободный стих труднее не вопреки отсутствию правил, а **из-за** него. Автору нечем прикрыть слабое место: нет гладкости, которая сгладит, нет созвучия, которое отвлечёт.

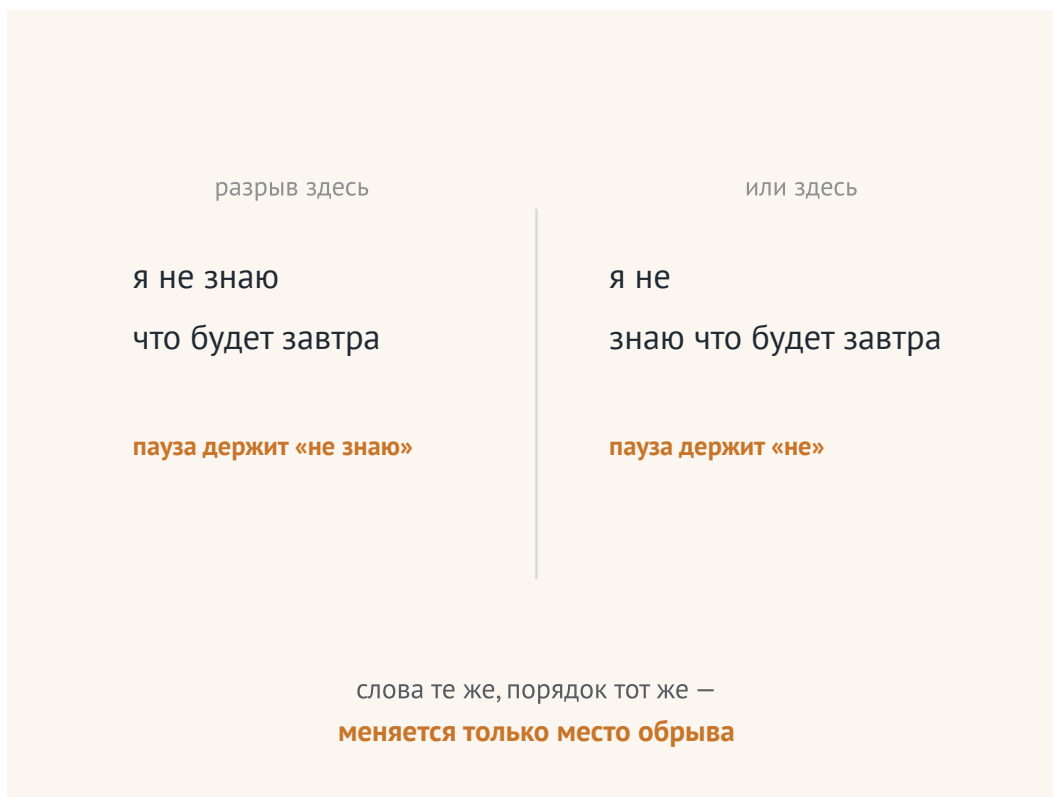
Верлибр

От французского *vers libre*, «свободный стих». Важно, чего он свободен: не от формы вообще, а от заранее заданной, наследуемой формы. Каждое стихотворение изобретает собственные правила и должно им следовать до конца. Не путать с белым стихом — там размер сохраняется, отсутствует только рифма; «Борис Годунов» написан белым пятистопным ямбом и верлибром не является.

Где в нём работа

Если правила не выданы заранее, откуда берётся ощущение, что одно сделано, а другое нет? Перечислим силы, которые держат свободный стих.

Место разрыва. Главный инструмент. Конец строки — единственная пауза, которой распоряжается автор, и в отсутствие размера это его основной способ управлять вниманием.

В свободном стихе вся работа ложится на выбор места разрыва

Длина строки как темп. Короткие строки ускоряют и дробят, длинные замедляют и укачивают. Чередование длин — то же, что смена темпа в музыке. Стихотворение, где все строки примерно равны, обычно выдаёт автора, который об этом не думал.

Повтор вместо рифмы. Там, где классический стих скрепляет созвучием, свободный часто скрепляет возвращением: то же слово в на-

чале нескольких строк, та же синтаксическая конструкция. Этот приём древнее рифмы — на нём держатся библейские псалмы.

Синтаксис как форма. Одно длинное предложение, растянутое на двадцать строк, — сама по себе форма: читатель всё это время ждёт завершения, и напряжение создаётся грамматикой.

Последнее слово. В свободном стихе финал почти всегда несёт непропорционально большой вес, потому что нет рифмы, которая сигнализирует о завершении. Стихотворение кончается тогда, когда последнее слово оказалось достаточно тяжёлым, чтобы поставить точку.

Откуда он взялся

Немного истории — она объясняет, почему верлибр не «недоделанный» стих.

Длинная волна вместо строгой строки — другой способ дышать

Уолт Уитмен в середине XIX века начал писать длинными волнообразными строками, не укладывающимися ни в какой размер. Образцом ему служила не поэзия, а Библия в английском переводе — те самые псалмы с повторами и перечислениями. То есть первый большой верлибр опирался на традицию старше любого размера.

Дальше французские поэты конца века, потом англоязычные модернисты. К середине XX века свободный стих в большинстве европейских литератур стал основным способом писать.

В русской поэзии всё пошло иначе, и это важно для понимания нашего спора. Русский стих сохранил силу регулярного размера гораздо дольше — отчасти потому, что язык с его подвижным ударением и богатой рифмой даёт классическому стиху больше возможностей, чем английский. Поэтому у нас верлибр до сих пор ощущается как нечто пришедшее со стороны, хотя пишут им давно и много.

Почему разрыв поставлен именно тут

Возьмём короткий свободный текст и разберём устройство.

Мы говорили о будущем
долго
и ни разу
не сказали, когда

Смотри, что делает каждая строка.

«**Мы говорили о будущем**» — целая, нейтральная, задаёт тему. Читатель ещё не знает, что будет подвох.

«**долго**» — одно слово в строке. Отдельная строка придаёт ему вес, которого в прозе у него не было бы: «долго» становится не обстоятельством, а самостоятельным фактом, почти упрёком.

«**и ни разу**» — обрыв на самом неудобном месте. Фраза требует продолжения, и пауза здесь работает как задержка дыхания.

«**не сказали, когда**» — разрешение, и оно приходит с опозданием, которое само по себе и есть содержание: разговор о будущем, в котором нет срока.

Теперь запиши это в строчку: «Мы говорили о будущем долго и ни разу не сказали, когда». Смысл сохранился полностью. Исчезло время — то есть всё, ради чего это было разбито.

Проверка, которой стоит пользоваться: **если разбивку можно поменять, ничего не потеряв, её не было.**

Вот пример того, как свободный стих держится без всяких подпорок.

Велимир Хлебников, начало 1920-х

*Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.*

Ни размера, ни рифмы. Держит всё **повтор**: четыре строки одинакового устройства, и ожидание строится именно им, а не созвучием.

И сломано это ожидание ровно один раз — в последней строке. Три первых сообщают о том, что с существом происходит само собой: дышит, сохнет, гаснет. Четвёртая ставит на то же место действие, которого никто не требовал. Вся вещь — в этом единственном несовпадении, и если убрать любую из трёх подготовительных строк, оно перестанет работать.

Как отличить сделанное от несделанного

Практическая часть, ради которой писалась статья. Несколько проверок, доступных без всякой теории.

Переставь разрывы. Разбей то же самое по-другому. Если разницы нет — перед тобой проза в столбик.

Запиши в строчку. Если получился нормальный связный абзац и ничего не пропало — значит, ничего и не было.

Посмотри на длины. Все строки примерно одинаковы? Скорее всего, автор не работал с темпом, а просто резал по ширине страницы.

Проверь конец. Стихотворение кончилось или просто прекратилось? В сделанном верлибре последняя строка ощущается как закрытая дверь.

Прочитай вслух. Здесь то же правило, что и с любыми стихами: половина работы доходит только через голос.

Ни одна из проверок не доказывает, что стихотворение хорошее. Все вместе они довольно надёжно отсеивают то, где работы не было вовсе.

Не стал ли верлибр слишком лёгким входом

Стал, и это вредит. Когда форма ничего не требует заранее, поле заполняется текстами, где нет ни ремесла, ни необходимости. Читатель, столкнувшись с десятком таких, разумно заключает, что здесь всё одинаково, и перестаёт различать — от чего страдают в первую очередь те, кто работает всерьёз.

Не стал, и жалоба не нова. Вход всегда был лёгким: посредственных рифмованных стихов написано неизмеримо больше, чем посредственных верлибров, просто они выглядят прилично за счёт формы. Верлибр не понижает планку, а делает провал заметным — и это его достоинство, а не изъян.

Обе стороны, впрочем, согласны, что критерий существует. Спор — о том, кому труднее: читателю различать или автору соответствовать.

Что попробовать самому

Самый короткий способ понять — сделать.

Возьми свой собственный текст в три-четыре предложения: запись, сообщение, кусок письма. Разбей его на строки. Потом разбей иначе. Потом ещё раз.

Ты быстро заметишь две вещи. Первое: некоторые варианты явно лучше других, и ты чувствуешь это до того, как объяснишь. Второе: улучшая разбивку, ты неизбежно начинаешь править слова — потому что становится видно лишнее.

Вот эта видимость лишнего и есть главное, что делает форма. Свободный стих не даёт подпорок, зато обнажает: всё необязательное в нём сразу торчит.

Чем он отличается от прозы

Остался вопрос, который логично задать: если убраны размер и рифма, а осталась разбивка, то чем это принципиально не проза?

Различий, по сути, два, и оба существенны.

Проза непрерывна, стих прерывист. В прозе текст течёт и останавливается только там, где велит грамматика. Стих — по определению речь, разрезанная на куски вопреки грамматике. Даже в самом свободном верлибре читатель получает паузы, которых в предложении нет, и это меняет темп дыхания.

Проза объясняет, стих сопоставляет. В прозе связи выражены словами: «потому что», «однако», «в результате». Стих может поставить два образа рядом и не сказать, как они связаны, — соединить их предстоит читателю. Отсюда плотность: на том же количестве слов помещается больше, потому что связки не выписаны.

Есть, конечно, пограничная область. Стихотворение в прозе — текст без разбивки, но с плотностью и сопоставлениями. Ритмическая проза — текст, в котором размер слышен, хотя строк нет. Границу в таких случаях провести невозможно, и это нормально: почти у всякого различия есть полоса, где оно не работает.

Но в ясных случаях различие держится. И держится оно именно на том, ради чего вообще разбивают на строки: на праве автора останавливать тебя там, где ни одна запятая не велит.

Главное в трёх строчках

- Свободный стих отказывается от размера и рифмы, но не от формы: у него остаются строка, пауза, темп, повтор и отбор, и работать они должны сильнее, потому что их меньше.
- Главный инструмент здесь — место разрыва; проверка простая: если разбивку можно поменять без потери, значит, её и не было.
- Отсутствие внешних подпорок делает верлибр не лёгким, а беспощадным — в нём сразу видно всё лишнее, тогда как ровный размер это скрывает.

Вопросы для размышления

- Возьми любую свою переписку за вчера и разбей три предложения на строки. Что пришлось выбросить, когда стало видно?
- Почему в русской поэзии верлибр прижился позже, чем в английской, — и при чём тут устройство языка?
- Если у свободного стиха нет заранее заданных правил, на каком основании вообще можно сказать, что он сделан плохо?